

**Диалектологическая анкета
для пилотного опроса «Признаки-изоглоссы
для хакасско-шорско-чулымского ареала
(группы тюркских z-языков)»
A dialectological questionnaire for a pilot study
on isoglosses in the Turkic “Z” group spoken
in the Khakas-Shor-Chulym area**

Дыбо А. В., Мальцева В. С., Николаев С. Л., Шеймович А. В.

Dybo A. V., Maltseva V. S., Nikolaev S. L., Sheymovitch A. V.

В статье рассматривается краткая диалектологическая анкета для пилотного определения ареальных и генетических характеристик идиома, принадлежащего к одной из южносибирских групп тюркских языков; поясняются принципы, на которых она построена, и общие подходы к составлению диалектологического атласа тюркских языков.

Ключевые слова: тюркские языки, диалектология, ареалогия, сравнительно-историческое языкознание, генеалогическая классификация

This article considers a brief dialectological questionnaire produced for a pilot study of the areal and genetic characteristics of speech varieties belonging to one of the South Siberian groups of the Turkic languages. The paper elucidates the principles for producing the questionnaire, as well as general approaches to compiling a dialectological atlas of the Turkic languages.

Key words: Turkic languages, dialectology, arealogy, comparative historical linguistics, genealogical classification

DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-86-119

Проект РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России» предполагает сбор, анализ и картографическое представление материала по диалектам тюркских языков России (в дальнейшем возможно подключение сопредельных регионов), направленные на создание лингвогеографического компонента интегрального описания этих языков.

Языки и диалекты тюркской языковой семьи сейчас занимают второе место по представленности (после языков и диалектов славянской семьи) на территории РФ; около 3/4 всех тюркских языков мира имеют территории компактного проживания носителей в России. При этом в список исчезающих языков из тюркских языков России попадает, по последним данным, 13 языков (т. е. около трети списочного состава всех тюркских языков). Кроме того, происходит постоянное размывание диалектов больших тюркских языков. Сами по себе они не находятся под угрозой, но потеря диалектов грозит существенной утерей информации о функционировании этих языков в синхронии и диахронии, а также утерей естественных источников для обогащения и развития литературных языков.

Описание и исследование тюркских языков России — хорошо развитая дисциплина, имеющая большую научную традицию. Тем не менее задача компьютерно-ориентированного интегрального описания ставит новые требования перед изучаемым материалом.

Результатом проекта должен стать набор электронных карт, отражающих значения языковых признаков, наиболее выпукло выявляющих основные классификационные параметры тюркских языков в области фонетики, фонологии, морфонологии, морфологии и лексики. Все полученные материалы будут обнародованы на сайте проекта <https://dialects.altai.ru/> в открытом доступе.

Эти карты составят первый том Электронного атласа тюркских диалектов России. Диалектологические атласы различных тюркских языков России (сделанные по локальным

опросникам) публиковались в ряде субъектов РФ (Татарстан, Башкортостан, Якутия) [АТНГ; ДАБЯ; ДАЯЯ]. В наиболее развитой из зарубежных тюркских диалектологий — турецкой — к сожалению, подобные работы находятся на самом первичном этапе (фактически только работа [Karahan 1996]). Электронные средства работы с лингвогеографическими данными там не разрабатывались. Работа по созданию электронного атласа татарского языка проведена в Академии наук Респ. Татарстан (<http://atlas.antat.ru>); мы рассчитываем распространить его разработки на материал всех тюркских языков и диалектов России. Разработка новых опросников при этом не предпринималась, использованы данные «бумажного» атласа, составленного по старой программе.

Для получения исходной системы запросов необходимы адекватные материалы, в которых с необходимостью будет содержаться положительная или отрицательная информация по исследуемым идиомам, привязанная к географическим данным. При работе по проекту РГНФ № 15-04-00370 «Разработка анкет для сбора материалов к интегральному описанию миноритарных тюркских языков и диалектов России» задача разработки системы диалектологических анкет была в основном выполнена, а также для ряда идиомов было получено пробное заполнение этих анкет. Дальнейшее исследование материала на основании разработанной признаковой системы, уточнение этой системы и представление его на электронных картах с целью выяснения важности различных признаков и их композиций для генетической и ареальной классификаций составляют основное содержание работы над проектом РНФ.

Такая постановка задачи стала возможна только как следствие многолетней работы коллектива российских ученых. Это, с одной стороны, работа коллектива Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН над сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков. С другой стороны, это работа коллектива Отдела

языков народов Сибири Института филологии СО РАН над описанием фонетики и грамматики сибирско-тюркских языков и установлением типологических классификаций в этом материале. Большое значение для решения этой задачи имеют и проведенные за последние 40 лет исследования отдельных тюркских диалектных систем, предпринятые в тюркологических институтах и на тюркологических кафедрах ВУЗов нашей страны. Задача полного сбора материала по исследовательским опросникам, предназначенным для создания компьютерно-ориентированного лингвогеографического описания тюркских идиомов России, ставится впервые. Подобная разработка предпринималась для русской диалектологии, но пока не завершена. Между тем, именно для тюркских языков, в которых, если рассматривать их как данность, оказываются чрезвычайно размыты границы между языками и диалектами (и большая часть тюркской территории может в ряде отношений рассматриваться как территория языкового континуума), лингвогеографический анализ вскрывает важные черты, которые могут прояснить ряд вопросов этногенеза. Имеющийся у нас научный задел демонстрирует несомненную перспективность такого подхода.

Задача создания Атласа тюркских языков СССР была поставлена в свое время как итог целого периода бурного развития диалектологических исследований, с 1950 по 1965 г. направлявшегося всесоюзными совещаниями по вопросам диалектологии тюркских языков, проходившими в Баку, Казани и Фрунзе (Бишкеке). Тогда были созданы «Программа опроса для диалектологического атласа тюркских языков» (М., 1965) и многочисленные региональные опросники. С середины 70-х гг. XX в. интерес к диалектологии среди тюркологов стал постепенно угасать; возможно, это было связано с решением ВАК о «недиссертательности» сугубо описательных работ по диалектологии. Тем не менее, за прошедшие годы все же появился ряд важнейших описательных работ по некоторым

языкам; или, по крайней мере, вышли новые диалектологические словари (как произошло, например, с казахскими диалектами).

Кроме того, следует отметить, что диалектологические описания и диалектологические классификации по преимуществу существуют в рамках либо исторической, либо типологической лингвистики; так, классификация диалектов внутри диалектной системы какого-либо языка всегда бывает направлена на объяснение возникновения этой системы. Ищутся ответы на вопрос, дивергентного или конвергентного происхождения данная система — т. е. являются ли диалекты следствием сепаратного развития единого в прошлом идиома, или же часть диалектов — это следствие развития некоторого другого близкородственного языка, который подпал под влияние изучаемого. Выясняется географическое распределение диалектных явлений — опять же либо ради выявления контактного происхождения этих явлений, либо ради установления их первичности или вторичности методами ареалогии. В общем, задачи, ставящиеся в рамках диалектологии, бывают либо описательными, либо сравнительно-историческими, либо типологическими. Взгляды специалистов на сравнительно-историческую грамматику тюркских языков за истекший период как раз и получили значительное развитие (что особенно ярко выразилось в содержании последних трех томов — СИГТЯ 1997/2000; СИГТЯ 2002; СИГТЯ 2006). Типология грамматических значений и синтаксическая типология, как синхронная, так и историческая, также в настоящее время предъявляют большие требования к исследователю конкретного идиома. Все это вызывает многочисленные проблемы с использованием уже существующих тюркологических диалектных описаний и данных опросов. Отсюда возникает необходимость сбора материалов по новым программам диалектологического опроса, которые при этом ориентированы именно

на возможности использования электронных носителей информации и программ автоматической обработки.

Методы сбора материала по вновь построенным опросникам различаются в зависимости от того, к каким языковым уровням он относится. Для «поверхностных» уровней, относящихся по большей части к «означающим» языковым знакам — фонетики, фонологии, морфонологии, — сбор построен на историческом принципе; анкеты по синтаксису, грамматической и лексической семантике учитывают прежде всего типологию соответствующих явлений.

Те диалектологические науки, которые сформировались в младограмматический период (германская диалектология) или на его рубеже (славянская диалектология, ср. манифест и анкеты Московской диалектологической комиссии (МДК) — [Опыт 1915]), успели осознать, что в общем случае фонологические и аллофонические отношения в идиоме являются отображением фонологических и аллофонических отношений в предшествующем ему по времени языковом состоянии. Поэтому при описании фонетики и фонологии каждого нового идиома, относящегося к какой-либо известной генетической группе, следует учитывать возможность значимого отражения любых оппозиций, существовавших в реконструируемом для данной группы праязыке, а если работа по реконструкции не завершена, в существующих в родственных языках и диалектах. Таким образом, анкета-опросник для диалектологического описания должна содержать количественно существенный (в пределе — полный) набор единиц, этимологические соответствия которых составляют в праязыке или родственных языках квазиминимальные пары. В этом случае наиболее велики шансы выявить максимальное количество оппозиций уже при пилотном полевом обследовании на ограниченном материале. Так были составлены анкеты МДК (конечно, в соответствии с тогдашним уровнем знаний). Впоследствии вульгаризованное применение подхода, требующего отделения синхронии от диахронии, привело к размыванию этого

принципа, что отодвинуло, в частности, ряд открытий в области славянской диалектологии вплоть до 80-х гг. XX в., когда новая генерация исследователей составила новые анкеты (включающие разработки по акцентологии, нестандартным рефлексам редуцированных, нестандартным проявлениям палатализаций и под.).

Стремясь к полному описанию фонетических и фонологических особенностей конкретных тюркских идиомов, мы используем подробные анкеты, построенные на историческом принципе. Для каждого языка такая анкета включает порядка 2000 лексем в контексте. Как показывает полевой опыт, сбор такой анкеты от одного информанта занимает около 9 часов, фонетическая запись должна производиться на электронный носитель, что позволяет провести затем инструментальный анализ. До сих пор в подавляющем большинстве случаев (исключая работы Новосибирской школы) диалектные записи делались и расшифровывались «на слух». Наш способ работы обеспечивает и фиксацию исчезающих форм и возможность последующей верификации данных исследователя различными способами. Собранные фонетические анкеты обрабатываются при помощи программы инструментально-фонетического анализа Praat, т. е. пословная нарезка и пословный акустический анализ в формате «Видимая речь» снабжаются фонетической транскрипцией и посегментной разметкой и загружаются в базы данных. Такой анализ позволяет уточнить фонетическую транскрипцию, описать имеющиеся типы аллофонии и построить надежную фонологическую систему и, соответственно, дать фонологическую транскрипцию каждой записанной словоформы для каждой словарной базы.

Морфонологические анкеты рассматривают формальные особенности (и наличие/отсутствие) аффиксов словоизменения и словообразования. К настоящему моменту имеется анкета на диагностические признаки, основанная на опроснике из 96 вопросов общетюркского характера (составлен О. А. Мудраком [Мудрак 2009]), но расширенная до 150 вопросов;

кроме того, системность анкеты повышена, в нее включены вопросы о совмещении различных морфонологических признаков внутри парадигмы отдельных типов лексем.

Как известно, морфологические различия появляются в диалектах одной языковой семьи вследствие второй группы исторических процессов: процессов «по аналогии», воссоздающих системность из обломков предшествующей системы, разваленной процессами первой группы (закономерными фонетическими). Возможны различные ситуации:

1. Морфологические особенности в диалектах появляются в результате перерастания фонетических явлений в морфологические.

2. Диалектные отличия в области морфологии возникают в результате сложного взаимодействия родственных языков и языков другой системы.

Вопросы морфонологического опросника позволяют выявить различия такого рода при визуальном отображении признаков на карте (см. предварительный результат по одной из групп параметров в статье [Дыбо 2017]). Материал ответов на вопросы морфонологического опросника должен быть подвергнут такому же анализу, что и материал фонетических анкет, введен в базы данных и использован при визуализации изоглосс.

Признаки из области грамматической семантики ранее практически не использовались в диалектологических исследованиях. Мы пытаемся закрыть эту лауну, собрав материал по анкетам, ориентированным на универсальную номенклатуру значений грамматических признаков и на имеющиеся сведения о типологических особенностях, характерных для тюркских языков. Материал по этим анкетам пока систематически собирается в основном по Южной Сибири; мы планируем собрать и проанализировать также языки Северной Сибири, Урало-Поволжья и Северного Кавказа и таким образом получить достаточные для картографирования данные. Ответы на вопросы анкеты представляют собой фразовые

(или состоящие из нескольких фраз) примеры языка с переводом. Для каждого идиома организуются корпуса текстов (поскольку, кроме анкет, в обследуемых населенных пунктах обязательно собирается и текстовый материал), в которых выделяются подкорпусы фразовых примеров. Изоглоссы по наиболее выпуклым грамматическим различиям языков и диалектов будут иллюстрироваться наборами фразовых примеров из этого подкорпуса и из связных текстов (с морфологическим членением и переводом).

Синтаксические особенности диалектов в предшествующих описаниях были отмечены лишь для тюркских языков, имеющих очевидные диалектные отличия в области синтаксиса (как языки гагаузский и караимский, находящиеся под сильнейшим влиянием славянских). В большинстве же случаев синтаксические диалектизмы не приводятся. Это объясняется спецификой синтаксического материала, который требует для выявления синтаксических диалектизмов записей обширных текстов и их детального изучения, что не всегда удается быстро сделать.

Мы планируем также пилотную лексикологическую зону атласа на основании собираемых исследовательской группой Сводешевских списков по уточненной программе. В монографии [Дыбо 2013] был разобран материал собранных на тот момент стословников и сделаны уточнения по методике сбора «сводешевских» и «квази-сводешевских» слов с материалом, в достаточной мере иллюстрирующим их употребление и позволяющим дать толкование каждого слова по фреймовой/ТКС модели. Такое представление лексики и лексической семантики позволяет картографировать как лексемы, так и отдельные признаки фреймовых толкований, семантические переходы в этих толкованиях, совместные встречаемости различных параметров. Этот набор карт поможет выявить ареальное и генетическое в наиболее устойчивых областях предметной лексики, а также уточнить сделанную в упомянутой монографии предварительную реконструкцию пратюркского «списка

Сводеша». Опять же, достаточно полный сбор материала по указанной методике проведен в настоящее время в основном для Южной Сибири; мы рассчитываем в рамках этого гранта охватить прочие регионы (Северная Сибирь, Урало-Поволжье, Северный Кавказ).

Здесь мы публикуем краткий опросник, разработанный для быстрого определения классификационной принадлежности говора отдельного населенного пункта в языках/диалектах *z*-группы, расположенных на территории Южной Сибири. К этой группе относятся так называемые диалекты хакасского языка — кызыльский, качинский, сагайский (с пилтирским говором), шорский диалект хакасского; мрасский диалект шорского языка и среднечулымский. Кроме того, за пределами южносибирского ареала к ним относятся сарыг-югурский язык, ушедший в китайскую провинцию Ганьсу около 14 в. н. э., и язык фуюйских киргизов. Описание параметров межидиомного варьирования в этой группе впервые в обобщенном виде было дано Э. Р. Тенишевым в разделе «Кыргызская группа» в [СИГТЯ 2002]¹. При составлении анкеты использовались также [Диалекты 1973; Боргояков 1981; Чиспияков, Бабушкин 2004; Патачакова 2013] и ряд других работ по хакасской, шорской и чулымской диалектологии.

Опросник содержит фонетические, морфологические, морфологические и синтаксические вопросы, предназначен для сбора примерно в течение 1 часа от одного информанта. Диалектологическая значимость возникает при условии опроса не менее трех информантов из каждого населенного пункта при возможно более полном охвате населенных пунктов с компактным проживанием носителей. Если при опросе информанта обнаруживаются нетривиальные результаты, то желательно обращение к развернутым опросникам. Развернутые фонетические опросники содержат

¹ Ср. также [Schönig 1997], но эта статья содержит значительные фактические неточности.

приближенные к полным списки рефлексов пратюркских основ, известных в данной группе языков, с уже построенной на другом материале фонетической реконструкцией. Таким образом, можно достаточно легко получить ответ на вопрос, не являются ли замеченные нетривиальные фонетические явления отображением каких-то исторических различий. В развернутых морфонологических опросниках содержатся списки именных и глагольных основ, расклассифицированных по морфонологическим структурам; от этих основ опросчик должен попытаться получить формы с интересующими его аффиксами. Развернутые морфонологические опросники содержат вопросы, направленные на исчисление возможных словоформ интересующего типа.

Все опросы записываются на цифровые диктофоны в формате .wav. Для облегчения пользования текстом опросника в нем выписаны в общем виде возможные ответы информантов в квазиорфографической форме, основанной на хакасской и шорской орфографиях²; фонетическая транскрипция полученных ответов пишется при обработке собранных материалов.

1. Фонетика.

1.1. Консонантизм.

1.1.0. Принадлежность к группе z-языков.

Наиболее заметный признак, выделяющий рассматриваемую группу языков, это совпадение в их общем праязыке трех пратюркских и общетюркских³ фонем: ПТю, ОТю *-δ(-), ПТю, ОТю *s, ПТю *-ř(-) > ОТю *-z(-) все совпали в одну фонему s/z (с позиционным распределением, т. е. звонким аллофоном, выступающим в интервокальной позиции). Например:

² Поскольку чулымский язык бесписьменный, приводимые ниже формы чулымских говоров записаны в транскрипции.

³ Под общетюркским понимается ветвь тюркских языков, разделившаяся после отделения болгарской ветви.

Отю *-δ(-): **adaκ* ‘нога’ > ср.-чулым. мелет., тутал., шор. Мрас. *azáq*, хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач. *azáχ*, староинос. *azáq*, **bEdü-k* ‘высокий’ > хак. *pözək*, шор. *mözük*; **bod-I* ‘сам-ЗРос’ > хак. *pos*, *pozui*, шор. *pozu*, **jid* ‘запах’ > хак. *tcis*, **Kadiñ* ‘береза’ > хак. *χazuiñ*, шор. *qazuiñ*.

Отю *s: **sal-* ‘класть’ > ср.-чулым. мелет., тутал., шор. Мрас., хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач., староинос. *sal* ‘положи!’, **bas-* ‘давить’ > ср.-чулым. мелет., тутал., шор. Мрас., хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач., староинос. *pas* ‘дави!’, *pázip* ‘давить-Conv’.

Отю *-z(-): **az* ‘мало’ > ср.-чулым. мелет., тутал., шор. Мрас., староинос. *as* ‘мало’, *azóq* ‘мало-Ass’, хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач. *as* ‘мало’, *azóχ* ‘мало-Ass’.

Соответственно, информанта просят произнести под запись, как на его родном диалекте будет:

‘нога’ (*азақ/х*); ‘сам; я сам’ (*нос, позым*); ‘высокий’ (*п/мөзүк*); ‘запах, его запах’ (*чыс, чызы*); ‘береза’ (*қ/хазың*); ‘положи!’ (*сал!*); ‘ты’ (*син/сен*); ‘дави!’ (*пас*), (а также диагностические формы ‘не дави!’; ‘задавлю’; ‘он давит’); ‘режь!’ (*кес/кис*); ‘зарезу’; ‘он режет’; ‘горячий’ (*ізіг*); ‘мало’(ас), ‘тоже мало’ (*азох!*), ‘восемь’ (*сегіс/сүгіс*); ‘девять’ (*тоғыс*); ‘длинный’ (*узун*); ‘красный’ (*қ/хызыл*); ‘девушка’ (*хыс*), ‘моя девушка/дочь’ (*хызым*).

Этот набор слов позволяет получить звучание рефлексов *-δ(-), *-z(-) и *s в позициях озвончения, оглушения и палатализации в контексте передних гласных. Таким же образом опрашиваются все вопросы на консонантизм; ниже мы приводим только опрашиваемые слова, имея в виду, что от них должны быть получены соответствующие словоформы.

1.1.1. Развитие палатального ряда.

Традиционно считается, что диалекты хакасского языка бывают «скающие» — сагайский, качинский, и «шокающие» — кызыльский, шорский (кроме того, говорят

о «шоканьи» в староиюсском говоре качинского диалекта⁴). «Шокающими» также являются мрасский шорский и среднечулымский. Это подразумевает следующее распределение рефлексов:

	Общeturk. *s	Общeturk. *ʃ	Общeturk. *č
Сагайский, качинский	s	s	s
кызыльский	s	ʃ	ʃ
шорский хакасский	s	ʃ	ʃ
шорский	s	ʃ	ʃ

Пилотное обследование территории шорского диалекта хакасского языка, однако, выявило еще одну систему соответствий:

таштыпский диалект ⁵	s	ʃ	s
---------------------------------	---	---	---

Такая система рефлексации не является чем-то очень экзотическим для тюркских языков: очень похоже ведут себя многие башкирские говоры. Однако в хакасской диалектологии эта система не замечается, а к ее проявлениям относятся как к случайному влиянию на «шокающий» диалект интерференции с «сэкающим» литературным. Хотя такая интерференция отчасти существует, четкое распределение «только s в случае *č ~ s или ʃ в случае *š» на нее не списывается. Кроме того, выяснилось, что начальное *č- может давать рефлексы, отличающиеся от срединных, и эти рефлексы могут давать различные совпадения или расхождения

⁴ В действительности, по нашим полевым данным 2019 года в староиюсском качинском старый срединный *-č- сохраняется как -te- в позиции перед рефлексами *i, *i (*agač 'дерево' > awas, 3 л. awateim; *ič- 'пить' > is 'пей', itcip деепр.); в ширинском качинском в той же позиции они теряют смычку (*agač 'дерево' > awas, 3 л. awačim; *ič- 'пить' > is 'пей', icip деепр.).

⁵ Сюда относятся деревни Таштыпского района Верхние Сыры, Нижние Сыры, Малая Сея, Сигиртуп, Шепчул, Мурты (?).

с рефlekсами начального *j- (в тутальском говоре среднечулымского *č- > f, *č > (t)ε/dz, *j- > tε-; *š > f/z; в кызыльском диалекте хакасского *č- > s-; f- в соседстве с f; *-č(-) > f/z; *j- > f-; s- в соседстве с s/z; *š > s/z и под., при учете к тому же нефонологической палатализации сибилантов в позиции перед *i, *ī. Вся эта система рефлексов дает исключительно интересные возможности для построения генеалогического древа диалектов.

Пилотный опрос:

ОТю *š: *tas* — *таш* ‘камень’ (+ ‘мой камень’), *nas* — *наш* ‘голова’ (+ ‘моя голова’), *tis* — *тиш* ‘зуб’ (+ ‘мой зуб’), *x/қус* — *х/қуш* ‘птица/курица’ (+ ‘моя птица’), *kizi* — *кіжі* ‘человек’, *izik* — *ижік* ‘дверь’.

ОТю *č-: *сых/қ* — *шых/қ* ‘выходи’, *чом* — *шом* — *сом* ‘ныряй/купайся’.

ОТю *-č-: ‘пей’: *ис* — *иш*, ‘напои меня’: *изер* — *ижер* — *ичер*. ‘открой’: *ас* — *аш*, ‘открытая дверь’: *азых* — *ажых* — *ачых*. ‘лети’: *уч(ух)* — *уш(ух)*.

ОТю *-č- — ассимиляции: *сас* — *шаш* — *чач* — *чеч* ‘волос(ы)’ (+ ‘мой волосы’), *чочка* — *сосха* — *шошха* ‘свинья’.

ОТю *j-: *чер* — *шер* — *щер* ‘земля’, *чол* — *шол* — *щол* ‘дорога’, *чылыг* — *шылыг* — *щылыг* ‘теплый’, *чыл* — *шыл* — *щыл* ‘год’, *чаг* — *шаг* — *цаг* ‘жир’, *чат* — *шат* — *щат* ‘лежи’; *парча* — *парца* — *паршады* ‘он уходит’, *часхы* — *щасхы* ‘весна’, *чайгы* — *щайгы* ‘лето’.

ОТю *j- / N: *чичке* — *ничке* — *ніске(чек)* ‘тонкий’, *чаа* — *наа* — *няа* ‘новый’, (чу)*муртх/қа* — (ны)*мырх/қа* — *нымыртқа* ‘яйцо’.

ОТю *j- / S: *чазаг* — *сазаг* ‘пеший / босой’, *яхсы* — *чахшы* — *чыхсы* ‘хорошо’, *чүс* — *йүс* — *сюс* ‘лицо / морда’, *чүс* — *йүс* — *сюс* ‘сто’, *чыс* — *йыс* — *сыс* ‘запах’, *ч/шылтыс* — *сылтыс* ‘звезда’, *язы* — *чазы* — *шазы* — *сазы* ‘степь’; внешние сандхи: ‘голодный год’ (*ас чыл* — *ас-сыл*), ‘три года’ (*үш шыл* / *үс чыл* / *үч чыл*).

1.1.2. Заднеязычные.

Для «хакасских» (качинский, сагайский, кызыльский, шорский диалект хакасского) характерно щелевое произношение

гуттуральных (обычно увулярных) в заднерядных словах; для среднечулымских, мрасского шорского и староиюсского говора качинского — взрывное либо аффрикатное (взрыв с заметной щелевой частью).

к/х: *кара* — *хара* ‘черный’, *ак* — *ах* ‘белый’, *кызыл* — *хызыл* ‘красный’.

Переднерядные слова, поведение на конце слога

В ряде хакасских и шорских говоров в конечнослоговой позиции переднерядного слова гуттуральный (велярный) становится велярным щелевым; на щелевой характер проверяем также интервокальную позицию.

к/х: *түк* — *түх* ‘шерсть (моя шерсть)’, *кирек* — *кирех* ‘надо’, *сöök* — *сöөх* ‘кость (его кость)’.

Характеристика шорского языка: назализация произношения ***-g#**

В ряде говоров шорского и хакасского языков конечное *в* переходит в *ʏ*, причем в одних этот переход сохраняется в интервокале, а в других — нет:

конечное **г/н** (и поведение в интервокале):

улуґ — *улуң* ‘большой’, *таґ* — *таңы* ‘гора (его гора)’, *суґ* — *суңы* ‘вода (его вода)’, *сарыґ* — *сарың* ‘желтый’.

При обнаружении нетривиальных соотношений спрашивается список, приближенный к полному (достаточно получить от информанта по 20 примеров на каждую из категорий).

1.1.3. Конечнослоговые и интервокальные рефлексy звонкого губного ***b**.

Реконструируемый для пратюркского как фрикативный ***-b-** [β] в среднечулымском, хакасском, мрасском шорском в неогубленном вокалическом окружении дефрикативизуется (и в шорском дает *m*; в мелетском чулымском вторично фрикативизуется в интервокале); в огубленном переходит в *в* и пропадает, см. [СИГТЯ 2002, 492–498]. Примеры:

Отю ***ab** ‘облавная охота’: хак. *аб*;

ОТю **eb* ‘дом’: хак. *иб / эб / ип / эн*, шор. *эм / өм*, мелет. *ер, ev-i*, тутал. *ер, eb-i*;

ОТю **kebiz* ‘ковер’: хак. *кибис*, шор. *кемис*;

ОТю **sib* вода: хак., шор. *суз*, мелет. *сив*, тутал. *сив*; встретились также формы *су(w)*, *суб*;

ОТю **jubka* ‘тонкий’ (о веревке): хак., шор. *чугачах*, мелет. *сывазá:q*, тутал. *тсывазáq*;

ОТю **abuç* ‘горсть’: хак. *оос*, шор. *ош*;

ОТю **kuba* ‘лебедь’: хак. *хуу (хус)*, шор. *қуу*.

1.1.4. Палатализация плавных.

сал(ь) ‘плот’ — *ал* ‘бери’, *аар(ь)* ‘тяжелый’ — *нар* ‘уходи’, *ол(ь)* ‘он’; *пайляр/пайлар* ‘богачи’, *айлен/айлан/эйлен* ‘возвращайся’, *палям/палам* ‘дитя мое’.

1.1.5. Межсловные сандхи, озвончение.

кил пееp(e) — *кел беер(e)* ‘иди сюда’, *пир хати/хатап* — *пир зати/затап* ‘один раз’, *ал(ыб ал) бир(пир) дас(мас)* ‘возьми один камень’, *ики к/гижи* ‘два человека’, *пис ай* — *пиз ай/эй* ‘пять месяцев’, *хызыл ган* ‘красная кровь’.

1.1.6. Сочетания согласных **rn*, **jn*.

Встречается при выпадении второй гласной основы в посессивных формах, а также в косвенных падежах слов с конечным **r*, **j*.

‘нос’ — ‘его нос’ (*пурун* — *пурны/пурды*), ‘живот’ — ‘его живот’ (*харын* — *харны/харды*), ‘шея’ — ‘его шея’ (*мойын* — *мойны/мойды*); ‘я их вижу’ (*оларны / оларды*), ‘это их дом’ (*оларның/олардың*).

1.2. Вокализм.

1.2.1. Рефлексация **e*-образных звуков: *е/и*.

Принципиально считаются «икающими» сагайский и качинский диалекты, остальные — «екающие»; случаи биения

объясняются воздействием литературного (сагайского) произношения. Однако нами был обнаружен значительный класс систем, где старое *e* отражается как *e* или *i* в зависимости от этимологической характеристики гласной следующего слога: в независимой позиции, т. е. в односложной форме, и если следующая гласная этимологически широкая, выступает *e*, если следующая гласная этимологически узкая, выступает *i*: *kel* ‘иди сюда’, *kelbe* ‘не приходи’ — *kiləptse* ‘приходит’; *et* ‘мясо’, *etter* ‘(виды) мяса’ (мн.) — *idəm* ‘мое мясо’; *iʒək* ‘дверь’.

кил — *кел* ‘прийти’: (приходи ко мне; не приходи; я приду, он приходит);

эт (*йет*) — *ит* ‘мясо’, *эттер* /*иттер* ‘мяса’, *эди/иди* ‘моего мяса’;

эт — *ит* ‘делать (делай, сделай; не делай; буду делать)’;

мин — *мен* ‘я’ (+ винительный *мини/мени* ‘(обними) меня’);

пел — *пил* ‘спина (спины, его спина)’: *пель*, *пеллер* — *пилім*, *пеллирім*;

чел — *чил* ‘ветер (ветры, его ветер)’;

чер — *чир* ‘земля (земли, его земля)’;

сегс — *сигс* ‘восемь’;

кечи — *кичи* — *киче* — *кече* ‘вчера’.

1.2.2. Рефлексация широких огубленных.

Аналогичное вышеописанному (в абсолютной позиции и перед слогом с исконной широкой гласной — *o*, *ö*; перед слогом с исконной узкой — *u*, *ü*) распределение может наблюдаться для рефлексов старого **o* и **ö*. После велярных в некоторых говорах гласная становится более задней — см. п. 1.2.3; в таштыпском диалекте неприкрытая гласная сопровождается протезой *w/j* в зависимости от ряда.

ö — ү: *коп* — *көн* — *күн* ‘много’, *көк* — *кок* — *күк* ‘синий’, *төрт* — *түрт* ‘четыре’, (*й*)*өл* (*йөл*) — *үл* ‘мокрый’/ ‘умирать’, (*й*)*ө:т* — *үт* ‘желчь’, (*й*)*өдик/х* — *үдик/х* ‘обувь’, (*й*)*өрт* (*ибіс*) — *үрт* (*ибіс*) ‘поджигай’;

о — у: *чол* — *чул* ‘дорога (моя дорога; дороги, мои дороги)’, (*w*)*от* — *ут* ‘трава’/ ‘огонь’, *пол* — *пул* ‘быть’ (будь здоров; пусть он будет здоров; будьте здоровы), (*w*)*ох* — *ух* ‘пуля’.

1.2.3. Рефлексаия передних огубленных в велярном контексте.

Еще один параметр — переход **ö*, **ü* в средний [ø], [y] или даже задний [o], [u] ряд после заднеязычных согласных. Явление чрезвычайно распространено на тюркской территории, вплоть до карачаево-балкарских диалектов и румелийских (балканских) диалектов Турции; локализация на карте Саяно-Алтая пока неясна; встречаются системы, где рефлексы **ö*, **ü* после заднеязычных различаются так: **ö* > [y], **ü* > [u].

коп — *кõп* ‘много’, *кõк* — *кок* ‘синий’, *кõн* — *кун* ‘солнце’, *кõл* — *кул* ‘зола’.

1.2.4. «Качинские» дифтонги.

Дифтонгоидное произношение вторично долгих (приходящих из стяжений) широких гласных:

иззи — *эззи* ‘хозяин’, *парчаадыр* — *парчадыр* ‘он идет’, *сеак* (*сяак*) — *сеек* ‘муха’, *неар* (*пяяр*) — *неер* ‘сюда’.

1.2.5. Сдвигка в средний /передне-средний ряд **а** перед **й**.

Также чрезвычайно распространенное в тюркских диалектах явление, типологически естественное. Оно иногда рассматривается как нарушающее сингармонизм, но поскольку тюркский сингармонизм — в первую очередь морфонологическое явление, то нарушение можно констатировать только при изменении рядности словоизменительных аффиксов в словоформах рассматриваемых слов: поэтому здесь при опросе также необходимо спрашивать формы принадлежности 1–3 л. и мн.ч. на *-лар*):

адай — *адей* ‘собака’, *хомай* — *хомей* ‘плохой’, *талай* — *талей* ‘море’, *орай* — *орей* ‘поздно’ (чаще с *e*), *сырай* — *сырей*

‘лицо’ (чаще с *e*), *пугдай* — *пугдей* ‘пшеница’, *айлан* — *айлен* — *эйлен* ‘вернись’, *пис ай* — *пиз эй* ‘пять месяцев’, *айна* — *айне* — *эйне* ‘чёрт’.

1.2.6. Редукция а.

Отмечено в основном как сагайское явление, но хорошо заметно также в шорском и среднечулымском: фонетический переход **a* в гласный средне-нижнего подъема, среднего ряда (з в МФА), позиции неясны (по крайней мере в части шорских диалектов позиции подобны позициям новоуйгурской редукции, т. е. после слога с исконно широкой гласной перед паузой или слогом с исконно широкой гласной: *ат* ‘лошадь’ — *аттэр* ‘лошади’ — *аттэрда* ‘у лошадей’, *аттару* ‘их лошади’).

Спрашивать следующие формы: у существительных — основа, 1Pos.sg, 3Pos, pl, pl-3Pos, dat ‘гусь (мой гусь, гуси, его гуси, гусю)’; у глаголов — основа (императив), imp-neg, pres, fut ‘стрелять (стреляй, не стреляй, стреляет, будет стрелять)’.

1) однослоги: *хас* — *хэс* ‘гусь’ ~ *хас* ‘копай’, *тас/таиш* — *тэс/таиш* ‘камень’, *хан* — *хэн* ‘кровь’ ~ *хан* ‘хан’;

1а) неприкрытые: *ат* ‘лошадь’ ~ ‘имя’ ~ ‘стреляй’, *ас-/аиш-* ‘открой’;

2) двуслоги закрытые: *агас* ‘дерево’, *тадар* ‘хакасы/шорцы’, *таңах* ‘курица’;

3) конечный открытый: *хара* ‘черный’ (+ *харасхы* ‘чернота’), *сыгар* ‘вынимать’ (‘я вынул руку из кармана’), *пуга* ‘бык’, *тагда* ‘на горе’, *атпа* ‘не стреляй’.

1.2.7. Рефлексы стяжения старого сочетания *-**agu**: **a** или **o** долгий/двувершинный на конце слова.

Традиционно считается признаком, разделяющим сагайский и качинский хакасские диалекты. По нашим данным получается разделение на северные «окающие» (среднечулымский, качинский, кызыльский) и южные «акающие» (саг., ташт., бельт., шор., мрасский шорский) диалекты.

пызоо — *пызаа* ‘теленок’, *хыроо* — *хыраа* ‘иней’/ ‘заморозок’, *тыло* ‘кочка’, *хогдыро/хоңыро* ‘колокольчик для скота’.

1.2.8. Явления, характеризующие основы с первичной долгой гласной.

Здесь речь идет о различных типах глоттализации, связанных с древней оппозицией долготы — краткости, которые в терминологии Новосибирской фонетической школы принято называть фарингализациями [Селютина и др. 2014; Селютина 2004; Сарбашева 2004; Уртегешев 2004]. Ранее для рассматриваемой группы языков «фарингализация» была отмечена в шорском [Уртегешев 2004: 222]. Наши полевые исследования подтвердили наличие фонологической глоттализации в шорском и кызыльском диалектах хакасского и в мрасском шорском. Явление отличается от тувинско-тофаларской «фарингализации» (и сходно с тубаларской фарингализацией) тем, что возникает на рефлексах пратюркской долготы (а не краткости, как в тувинском) и существует как при шумном конце корня, так и при сонорном: ОТю **at* > хакас.-шорск. и шорск. мрас. *at* ‘лошадь’ — **āt* > *aʔt* ‘имя’, **tut* > *tut* ‘держи!’ — **būt* > *puʔt* ‘бедро’, **baš* > *paʃ* ‘голова’ — **dāš* > *teʃf* ‘камень’, **kol* > *qol* ‘рука’ — **jöl* > *teoʔl* / *teolʔ* ‘дорога’ и т. д.

at ‘лошадь (моя лошадь)’ — *at* ‘имя (мое имя)’; *ot* ‘трава’ — *ot* ‘огонь’; *nas/ɯ* ‘голова’ — *tas/ɯ* ‘камень’, *tut-* ‘держи’ — *nut* ‘бедро’; *čyl* ‘год’ — *čyl* ‘ползи!’; *hol* ‘рука’ — *čol* ‘дорога’; *öl-* ‘умри’ — *köl-* ‘запрягай’.

При обнаружении различия следует обратиться к развернутому опроснику — полному списку хакасских однослов.

2. Морфонология.

2.1. Выпадающие конечные **-г, -ғ, -ң**.

Выпадение/сохранение исторических звонких велярных конца морфемы при попадании в интервокал может зависеть не только от фонетической позиции, но и от морфологического состава словоформы. В частности, бывают системы, в которых, при выпадении

и последующем стяжении гласных при аффиксах принадлежности 1 и 2 лица, в ЗPos существительных звонкий велярный переходит в *j* (например, в шорских говорах). При обнаружении нетривиальных результатов обращаться к развернутой анкете.

В глаголах: императив; будущее; настоящее; аорист: дои, не дои, он будет доить, он доил, он доит.

саг- ‘доить’, *сиг-* ‘чертить’, *сүг-* ~ *сүү-* ‘цедить’, *чаг-* ‘дождить’/‘снежить’, *үүг-* ‘окучивать’.

В существительных: формы 1pos, ЗPos, датив: гора, его гора, к горе.

таг ‘гора’, *паг* ‘веревка’, *чаг* ‘война’, *суг* ‘вода’, *саг* ‘жир’, *сог* ‘жар’, *кös согы* ‘жар углей’, *туг* ‘запруда’, *туг* ‘флаг’, *сыг* ‘строчка (шов)’;

улугы — *улиш* — *улуйы* ‘старший’, *кичиг* ‘младший’, *агырыг* ‘больной/болезнь’, *одаг* ‘шалаш’;

ниг ‘начальник’, *сиг* ‘линия’, *тöлег* ‘оплата, штраф’; *хус чүги* ‘птичье перо’, *хус нүги* ‘птичий пух’, *кög* ‘мелодия, мотив’;

В ряде сагайских говоров выпадение конечного велярного с последующим стяжением гласных затрагивает также и глухие:

хузух ‘орех’, *харах* ‘глаз’, *пöрик* ‘шапка’, *чүрек* ‘сердце’.

2.2. Губной сингармонизм.

В z-языках огубленность гласной корня обычно не переходит на широкие гласные аффиксов (ср. формы типа *колдо* ‘в руке’ в алтайском). Что касается узких гласных в аффиксах, то встречены разнообразные системы, иногда демонстрирующие зависимость перехода огубленности от типа аффикса. Так, аффиксы принадлежности могут вообще не принимать огубленности; может принимать ее только аффикс 1 лица — следствие губной аттракции под влиянием конечного *-м*; могут принимать ее аффиксы 1 и 2 лица, но не третьего (архаическая система, связанная с первичной огубленностью первых двух аффиксов в пратюркском: **-Um*, **-Uη*, **-I*).

хол (*холу/ым, холу/ынг, холу/ы, холыбыс*) ‘рука (моя рука; твоя рука; его рука; наши руки)’

сӧс ‘слово’

сӧӧл ‘бородавка’

тус ‘соль’

кӱн ‘день’

ӧл ‘умри (не умирай, пусть он умрет)’

ӧс ‘расти’

3. Морфология.

3.1. Варианты падежных окончаний.

Наша цель — выявить границы распространения разных морфологических вариантов выражения падежных значений. Сами наборы падежей не имеют значимых различий, не считая наличия вторичного направительного падежа в хакасских диалектах.

3.1.1. Направительный падеж.

В [ГХЯ] упоминается, что направительный падеж в диалектах встречается как в более краткой форме *-за/-зе, -са/-се*, так и в более полной *-зары/-зері, -сары/-сері*. Усеченная форма приписывается качинскому диалекту, полная — шорскому [ГХЯ: 7] и сагайскому [ГХЯ: 74]. Кроме того, в направительной функции используется также и дательный падеж. Пока наш материал дает следующую картину: в шорском чаще встречается усеченная форма (также и более полная), в сагайском (Казановка) чаще встречается более полная, в шорских диалектах во всех контекстах употребляется также датив (как и в шорском литературном языке).

направительный (*-са/-сар/-сары*) / датив (*-га*): ‘куда ты идешь? — на гору/домой/в баню/в магазин/туда’ *хайа/хайдар/хайдара парча(зы)ң?* — *тайгазара/тайгаза/агас аразында; ибімзере/ибімзе; мылчазара/мылчаа; магазинга; андар(а)/анар(а)*

‘он кинул камень в собаку/в воду’ *ол тасты тастабысхан адэйга/адэйзара/адэйза // суға / сугзар(а).*

3.1.2. Инструменталис/комитатив/аблатив (исходный падеж).

Большое разнообразие форм творительного падежа отмечается в хакасских диалектах, особенно в зоне распространения шорского диалекта и бельтырского говора: *-мАң* (как единственный алломорф), *-бАң/-пАң/мАң*, *-бА/-пА/-мА*, *-бляң/-пляң/-мляң*. В ряде южных говоров инструменталис, аналогично прочим литературным падежам с начальной согласной *Н*, использует вместо нее начальный *Д*. Таким образом, в них инструментальный и исходный падежи совпадают. Северные варианты: *-м(ы)наң* (как единственный алломорф), *-бынаң/-пынаң/-мынаң*. В среднечулымском, согласно [Бирюкович 1979: 40], в тутальском говоре функционируют алломорфы *-б/пЫЛА* и *-ЛА*, в мелетском — после гласных, носовых согласных и *й* — *-НАң* (вариант *-бЫЛАң*), после *-р* и других согласных *-ЛАң*. В роли комитатива (‘совместно с кем-то’) ряд говоров использует не инструменталис, а форму с аффиксом *-ЛЫг*. Рефлекс древнего аблатива на *-ТЫн*, как будто, везде, кроме среднечулымского, замещен формой на *-Даң* (в хакасском сохранился, однако, в локативных словах: *төб-ін-дін* ‘снизу’, *ырах-тын* ‘издалека’, и в сочетаниях с аффиксом направительного падежа, *сын-зар-тын* ‘со стороны хребта’).

[рубит мясо] ‘топором’ *малтымаң/малтыбаң/малтыбляң/малтыдаң/малтынаң/малтыба/малтымнаң/малтыбынаң*;

[иду в школу] ‘с ребенком’ *паламаң/палабаң/палабляң/палаба/паладаң/паланаң/паламнаң* (самый частый ответ — в большинстве говоров это форма *lpos.sg-instr*, которая почти всегда выдается при терминах родства, однако в северных говорах она бывает отдельным аффиксом) */палабынаң/палалыг*;

[выйди] ‘из дома’ *ибдең/иптең/эвдын/өмнең*.

3.1.3. Генитив.

К литературным алломорфам *-ның/нің/-тың/-тің* в сагайском добавляется вариант *-дың/-дің* после гласных и звонких неносовых согласных. В части диалектов, например в шорском хакасском, у личных местоимений единственного числа наряду с полными употребляются стяженные формы: хак. *минің* — шор. *мииң/меең* — бельт. *мең* ‘мой’, хак. *синің* — шор. *сииң/сеең* ‘твой’. В шорских диалектах также обнаруживается аналогичный вариант местоимения 3 л. ед. ч.: *аң* ‘его’. В матурском говоре у некоторых носителей все косвенные формы местоимения *ол* ‘он’ образуются от основы *олан-*, в т. ч. и генитив (ранее в литературе не отмечалось).

‘моя лошадь’ *минің/мииң/меең адым/чылгым*;

‘твой отец’ *синің/сииң/сеең (п)абаң/чачаң/побаң*;

‘его гора’ *аның/аң/оланың таа/тагы/таңы/тайы/тагы*.

3.1.4. Датив при посессиве.

Обычный датив не имеет специальных диалектных алломорфов. В именах с показателями 1 и 2 л. ед. ч. в хакасском литературном языке датив имеет формы *-а/-е*, в шорском литературном языке — *-га/-ге*, *-қа/-ке*. Вариант на согласную в посессивном склонении встречается и в хакасских текстах. По нашим данным, в шорском диалекте хакасского и в бельтырском употребляется только вариант с согласной (совпадающий с окончанием именного склонения), в сагайском диалекте и севернее — только вариант с гласной (восходящий к окончанию местоименного склонения).

[дай воды] ‘моей лошади’ *минің адыма/адымга*;

‘поговори со своим отцом’;

‘дай твоему отцу хлеба’;

‘дай ее матери денег’.

Для сравнения — сандхи окончания датива в именном склонении основ на различные носовые:

хозанга [дай] ‘зайцу’ [морковку], *хамга* [дай] ‘шаману’ [денег], *аңга* [дай] ‘зверю’ [мяса].

3.2. Варианты посессивных аффиксов — посессив 2 л. мн.ч. ‘твой ребенок’, ‘ваш ребенок’, ‘твои дети’, ‘ваши дети’

Обычно посессив 3 л. мн. ч. посессора совпадает с посессивом 3 л. мн.ч. обладаемого:

палазы ‘его ребенок’, *палалары* ‘его дети’ или ‘их ребенок, их дети’;

ады ‘его лошадь’, *аттары* ‘его лошади’ или ‘их лошадь, их лошади’.

В ряде хакасских говоров и в мрасском шорском то же наблюдается для 2 л. мн. ч.: *палаң* ‘твой ребенок’, *пала-лар-ың* ‘твои дети’; ‘ваш ребенок’ и ‘ваши дети’. В других говорах и литературном варианте хакасского форма посессора 2 л. мн. ч. отличается от формы посессора 2 л. ед. ч. с обладаемым мн. ч.: *пала-ңар* ‘ваш ребенок’ и ‘ваши дети’.

3.3. Варианты глагольных морфем.

3.3.1. Настоящее время.

Везде дефолтным вариантом настоящего времени является показатель *-чА(т)* (в некоторых говорах встречается только в переднерядном варианте, в других — в заднерядном. Простой опрос форм не дает здесь быстрых ответов на то, какие формы бывают еще — для этого нужен подробный опросник с разными семантическими контекстами, в качестве которого мы используем адаптированную анкету О. Даля о ТМА-показателях. В шорском диалекте носители иногда употребляют аффикс *-чАрЫ*: *от койчары* ‘огонь горит’. В качинском диалекте довольно частотен показатель *-чАдЫ(р)* (*чеадыр*): *парчадыр* (*парчеадыр*) ‘он идет’; встречается также показатель *-АдЫ(р)*: *парады(р)* ‘он уходит’. В этих показателях конечная *-р* может опускаться. В староинюсском и кызыльском наблюдается аффикс *-ту(р)*, отбрасывающий конечную согласную перед личными окончаниями: *мен партум* ‘я ухожу’, *ол көртур* ‘он смотрит’ (в качинском редко *мин партурбын* ‘я ухожу’). В средне-чулымском находим большое

разнообразие форм презенса (связанное с разнообразием слившихся с основой вспомогательных глаголов), см. [Бирюкович 1981: 44–57]. В данном пункте мы пытаемся получить базовые формы презенса (1sg и 3sg) от глаголов с разными структурами основы.

‘Я иду’, ‘он идет’ (основа *пар-*); ‘я беру’, ‘он берет’ (*ал-*); ‘я даю’, ‘он дает’ (*ни/ер-*); ‘я держу’, ‘он держит’ (*тут-*); ‘я пью’, ‘он пьет’ (*ис-*); ‘я играю’, ‘он играет’ (*ойна-*); ‘я сплю’, ‘он спит’ (*узу-*).

3.3.2. Отрицательное настоящее.

В хакасском и шорском языках показатель отрицания в настоящем времени совпадает с показателем отрицательного деепричастия (в бельтырском он теряет *-н* перед аффиксом презенса). Варианты: качинский *парбинча(дыр)*, сагайский *парбинча*, бельт. *парбица*, шор. *парбаанча* ‘он не уходит’. Среднечулымский потерял отрицательное деепричастие, отрицательный презенс образуется как сочетание причастия на *-Ар* с именным отрицанием: *алар чокмен* ‘я не беру’. В кызыльском часто дают форму *парбинтур*, в которой присутствует тот же показатель. Отрицание формы презенса на *-ады(р)* нам не попадалось.

Он не спит (*узу-*). Он не работает (*тогын-*). Он не стреляет (*ат-*). Он не пьёт (*ис-*).

3.3.3. Причастие настоящего времени на *-чан/-чатхан*.

В диалектах широко распространены стяженные формы кластера *-чатхан* (*чат-* ‘Dur’ + *-ган* ‘Past’): *-чан/-чен/-чин/-чан/-чкен*. Данная форма употребляется только в нефинитных контекстах, противопоставляясь тем самым формам настоящего времени *-ча/-чары/-чадыр*, которые могут употребляться только в качестве финитных. В качинском и кызыльском этим формам по описаниям соответствует причастие на *-АдЫргАн*: *хоостидырган* ‘вышивающий’, *имнидйрген* ‘лечащий’; в чулымском — на *-АткАн*.

чахсы көрчеткенін ‘покажи мне того, кто хорошо видит’;
хайнапчатхан суг тегбе ‘не трогай кипящую воду’.

3.3.4. Личные окончания.

Проверить на разных типах глагольных форм (во всех лицах и числах, после разных видовременных показателей); на именном предикате, как распределяются разные окончания. Спрашивать именное сказуемое во всех формах, глагольные формы 1sg, 2sg, 2pl в прошлом, настоящем, будущем, отрицательном будущем и условном наклонении.

Я — хакас, ты — хакас, он — хакас, мы — хакасы, вы — хакасы.

Я пойду, ты пойдешь, вы пойдете; я не пойду, ты не пойдешь, вы не пойдете.

Я иду, ты идешь, вы идете;

Я шел, ты шел, вы шли; я не шел, ты не шел, вы не шли.

Если я иду, если ты идешь, если вы идете.

3.3.5. Императив 1pl инклюзивный.

Окончание инклюзивного гортатива (императива 1 лица) во множественном числе представляет собой стяжение показателя инклюзивного гортатива *-аң/-ең* и множественного числа *-лар/-лер*. В литературном хакасском аффикс имеет вид *-аңар/-еңер*, в сагайском и шорском диалектах *-алар/-елер*.

‘пойдемте’ [спать] *паралар* ~ *параңар*;

[давайте мы все] ‘посмотрим’ [вон туда] *көреңер* ~ *көрелер*.

3.3.6. Инфинитив.

Инфинитив в языках z-группы образован путем сочетания аффикса будущего времени *-ар* и дативного показателя *-га*. Показатель будущего часто отбрасывает последнюю согласную перед другой согласной, особенно часто в форме 1 л. ед. ч.: *парам* ‘буду уходить’. В инфинитиве также употребляется форма будущего без *-р*: *поларга/полага* ‘идти’. Как представляется на данный момент, эта форма свойственна всем диалектам.

В этом пункте мы также получаем представление о базовых целевых и желательных конструкциях.

‘иди спать’ *пар узирга/узига/узарга/узага*;

‘мне надо одеться’ *мага тонанарга/тонанага (кирек)*;

‘я хочу есть’ *меге чи(р)ге килче, мин чирга хынчам, мин азыранахчам*

‘он встал, чтобы уйти’ *ол турып алган парарга/парага*.

3.3.7. Согласование причастия (прошедшего времени в местном падеже) с субъектом.

Согласование с подлежащим в причастных формах варьирует по диалектам и остается малоизученной темой в исследуемых языках. Мы выбрали частотную и простую для опроса форму причастия прошедшего времени в локативе. В литературных формах допускается как отсутствие согласования (-*ганда*), так и маркирование его посессивными аффиксами (-*ганымда* и т.п.). Некоторые носители бельтырского и шорского употребляют усеченные формы, совпадающие с финитными (-*гамда* и т.п.), причем в разных лицах могут применяться разные стратегии. Более подробно об этом см. [Dybo et al. 2019].

Когда я жила в Абакане, у меня был красивый дом.

Когда ты училась в Абакане, ты много болела?

Когда мы ходили в тайгу, мы видели медвежьи следы.

Когда вы были у бабушки, она была здорова?

Этой анкетой в различных стадиях доработки мы пользовались в экспедициях начиная с 2016 г. К настоящему времени на территории Республики Хакасия по ней опрошена большая часть населенных пунктов с компактным проживанием коренного населения, относящихся к шорскому, бельтырскому, сагайскому, северному качинскому, в том числе староиюсским говорам, и кызыльскому диалектам. Пока не охвачены в достаточной мере койбалский и южный (пограничный с сагайским) качинский. Мрасские шорские

говоры опрошены спорадически; то же можно сказать о последних носителях двух говоров среднечулымского. Однако уже можно говорить о значительной плотности получаемых пучков изоглосс и хорошей отделимости архаизмов от инноваций, в частности ареально-контактных явлений от генеалогически связанных. Кажется, что эту работу необходимо продолжать.

Список сокращений

- 1Pos — 1-е лицо посессора
- 3Pos — 3-е лицо посессора
- Ass — ассертив
- Conv — деепричастие
- dat — датив
- Dur — дуратив
- fut — будущее время
- imp — императив
- neg — отрицательный аспект
- Past — прошедшее время
- pl — множественное число
- pres — презенс
- sg — единственное число

Через точку записываются граммы, кумулятивно выраженные внутри одного аффикса.

Литература

АТНГ — *Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова* (науч. ред.) Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья. Составители: *Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова* (1 т.), *Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова* (2 т.). Казань, 1989. Прил.: Комментарии к Атласу. Казань, 1989. Электронная версия: <http://atlas.antat.ru>.

Бирюкович Р. М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. 1. Саратов, 1979.

Бирюкович Р. М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. 2. Саратов, 1981.

Боргояков М. И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981.

ГХЯ — *Н. А. Баскакова* (ред.) Грамматика хакасского языка. Москва, 1975.

ДАБЯ — *Диалектологический атлас башкирского языка.* Уфа, 2005.

ДАЯЯ — *Иванов С. А.* (сост.) Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты): в 2-х ч. Ч. 1: Фонетика. Якутск, 2004. Ч. 2: Морфология и лексика. Новосибирск, 2010.

Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, 2013.

Дыбо А. В. Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках // Урало-алтайские исследования, 2017, 3 (26), 127–150.

Мудрак О. А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. Москва, 2009.

Патачакова Д. Ф. Кызыльский диалект хакасского языка (краткий очерк). Пособие для учителя. Абакан, 2013.

Опыт диалектологической карты русского языка с приложением Очерка русской диалектологии. Москва, 1915.

Программа опроса для диалектологического атласа тюркских языков. Москва, 1965.

Сарбашева С. Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004.

Селютин И. Я. Фонологические системы языков народов Сибири. Новосибирск, 2004.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р., Дамбыра И. Д., Кечил-оол С. В. Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири). Новосибирск, 2014.

СИГТЯ 1997/2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. Москва, 1997, 2000.

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. Москва, 2002.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа: Картина мира пратюркского этноса по данным языка. Москва, 2006.

Уртегешев Н. С. Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2004.

Чиспяков Э. Ф., Бабушкин Г. Ф. Диалекты шорского языка // Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Кемерово, 2004.

Dybo A., Maltseva V., Sheymovitch A., Sultrekova E. The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective. *Turkic Languages*, 2019, 23, 31–48.

Karahan L. Anadolu ağızlarının Sınıflandırılması. Ankara, 1996.

Schönig K. A new attempt to classify the Turkic languages (1) // *Turkic languages*, 1997, 1, 117–133.

References

ATNG — *N. B. Burganova, L. T. Makhmutova* (nauch. red.) Atlas tatarskikh narodnykh govorov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya. Sostaviteli: *N. B. Burganova, L. T. Makhmutova* (1 t.), *F. S. Bayazitova, D. B. Ramazanova, 3. R. Sadykova, T. X. Khairutdinova* (2 t.). Kazan', 1989. Pril.: Kommentarii k Atlasu. Kazan', 1989. Elektronnaya versiya: <http://atlas.antat.ru>. (In Russ.)

Biryukovich R. M. Morfologiya chulymsko-tyurkskogo yazyka. Ch. 1. Saratov, 1979. (In Russ.)

Biryukovich R. M. Morfologiya chulymsko-tyurkskogo yazyka. Ch. 2. Saratov, 1981. (In Russ.)

Borgoyakov M. I. Istochniki i istoriya izucheniya khakasskogo yazyka. Abakan, 1981. (In Russ.)

Carbasheva S. B. Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altaiskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte). Novosibirsk, 2004. (In Russ.)

Chispiyakov E. F., Babushkin G. F. Dialekty shorskogo yazyka // Yazyk, istoriya, kul'tu-ra tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Kemerovo, 2004. (In Russ.)

DABYa — Dialektologicheskii atlas bashkirskogo yazyka. Ufa, 2005. (In Russ.)

DAYaYa — *Ivanov S. A.* (sost.) Dialektologicheskii atlas yakutskogo yazyka (svodnye karty): v 2-kh ch. Ch. 1. Fonetika. Yakutsk, 2004. Ch. 2. Morfologiya i leksika. Novosibirsk, 2010. (In Russ.)

Dialekty khakasskogo yazyka. Abakan, 1973. (In Russ.)

Dybo A. V. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Tom 9 (dopolnitel'nyi): Etimologicheskii slovar' bazisnoi leksiki tyurkskikh yazykov. Astana, 2013. (In Russ.)

Dybo A. V. Eshche raz ob istorii pokazatelei lichno-chisloвого spryazheniya v tyurkskikh yazykakh // Uralo-altaiskie issledovaniya, 2017, 3 (26), 127–150. (In Russ.)

Dybo A., Maltseva V., Sheymovitch A., Sultrekova E. The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective. *Turkic Languages*, 2019, 23, 31–48.

GKhYa — *N. A. Baskakova (red.)* Grammatika khakasskogo yazyka. Moskva, 1975. (In Russ.)

Karahan L. Anadolu ağızlarının Sınıflandırılması. Ankara, 1996.

Mudrak O. A. Klassifikatsiya tyurkskikh yazykov i dialektov s pomoshch'yu metodov glottokhronologii na osnove voprosov po morfologii i istoricheskoi fonetike. Moskva, 2009. (In Russ.)

Opyt dialektologicheskoi karty russkogo yazyka s prilozheniem Ocherka russkoi dialektologii. Moskva, 1915. (In Russ.)

Patachakova D. F. Kyzyl'skii dialekt khakasskogo yazyka (kratkii ocherk). Posobie dlya uchitelya. Abakan, 2013. (In Russ.)

Programma oprosa dlya dialektologicheskogo atlasa tyurkskikh yazykov. Moskva, 1965. (In Russ.)

Schönig K. A new attempt to classify the Turkic languages (1) // Turkic languages, 1997, 1, 117–133.

Selyutina I. Ya. Fonologicheskie sistemy yazykov narodov Sibiri. Novosibirsk, 2004. (In Russ.)

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R., Dambyra I. D., Kechil-ool S. V. Faringalizatsiya kak tipologicheskii priznak fonologicheskikh sistem (na materiale tyurkskikh yazykov Yuzhnoi Sibiri). Novosibirsk, 2014. (In Russ.)

SIGTYa 1997/2000 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Leksika. Moskva, 1997, 2000. (In Russ.)

SIGTYa 2002 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Regional'nye rekonstruktsii. Moskva, 2002. (In Russ.)

SIGTYa 2006 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Pratyurkskii yazyk-osnova: Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka. Moskva, 2006. (In Russ.)

Urtegeshev N. S. Maloshumnyi konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrosskogo dialekta). Novosibirsk, 2004. (In Russ.)

Дыбо Анна Владимировна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Dybo Anna Vladimirovna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
adybo@mail.ru

Мальцева Вера Сергеевна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Maltseva Vera Sergeevna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
malt.wh@gmail.com

Николаев Сергей Львович
Институт славяноведения РАН.
Москва, Россия
Nikolaev Sergey Lvovich
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
sergenicko@mail.ru

Шеймович Александра Валерьевна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Sheimovich Alexandra Valerievna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
asheimovich@yandex.ru